

Владимир Дараган

Накапливаемая внезапность

Владимир Дараган

Накапливаемая внезапность

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25440263

ISBN 9785448560972

Аннотация

Книга заставит вас улыбнуться. Это сборник эссе и миниатюр о труде писателя, литературе и просто о жизни. Автор старался говорить о серьезных вещах как можно проще. Кажется, это получилось.

Содержание

Лягушки в пруду	7
Так тебе и надо	7
Лягушки в пруду	8
Рассказ	9
Краткость	10
Накапливаемая внезапность	11
Повторения	13
Нет мистики	16
Второй аккорд	17
Триптих	19
Склоняясь в почтении	20
Муза на столе	23
Из записной книжки – 1	25
Физики и лирики	28
Муки и музы	30
Чужие правила	34
Музы и редактирование	37
Диалог	38
Из записной книжки – 2	40
Китайские печенки	43
Он так видит	46
Зачем ты пишешь	48
Фразы	50

Три совета юным писателям	53
Четвертый вопрос русской интеллигенции	54
Из записной книжки – 3	56
Похоже на настоящую жизнь	60
Аура вещей	63
Горят ли сейчас рукописи?	64
Третий мир	65
Из записной книжки – 4	66
Как придумывают сказки	69
Монологи о литературе	72
Бумагомарание	77
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Накапливаемая внезапность

Владимир Дараган

© Владимир Дараган, 2017

ISBN 978-5-4485-6097-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сначала эта книга носила скромное название «Блокнот юного писателя».

Подразумевались язвительные комментарии, что автор не юный писатель, а физик второй молодости. Да и блокнот был не бумажным – его заменяла папка на жестком диске, куда сваливались заметки, миниатюры и даже мысли. Многие мысли, как оказалось, были высказаны задолго до начала нашей эры. Автор сначала смутился, но быстро выяснил, что об этом не все догадываются.

– Отлично! – сказал внутренний голос. – Тогда собирай книгу.

– Зачем? – спросил автор.

– Сам прочитаешь, когда придет третья молодость. Это поможет критично оценивать написанное и отучиться пуб-

ликовать черновики.

Так мы и договорились.

Автор и Минздрав предупреждают, что в книге присутствуют страницы, где герои пьют пиво и курят. Чтение этих страниц опасно для вашего здоровья.

Лягушки в пруду

Так тебе и надо

Говорят, что хорошие писатели должны от чего-нибудь страдать.

«Страдать надо, молодой человек, страдать, прежде чем писать», – говорил Достоевский молодому Мережковскому.

Ведь глупо писать, что ты хорошо пообедал, съездил к любовнице, а вечером с друзьями пил пиво и ругал правительство. Кого этим проймешь?

Совсем другое дело, если с трудом наскреб денег на соиску с булочкой, потом узнал, что любовница тебя бросила, а все друзья вышли в князья и знать тебя не хотят.

– Так тебе и надо, – шепчут читатели, перелистывая страницы.

Лягушки в пруду

Процесс редактирования напоминает подготовку к экзаменам. После каждой страницы вспоминаются важные и срочные дела: выпить чаю, посмотреть сериал, постричь кусты, найти пропавшую авторучку, перечитать о бравом солдате Швейке...

Редактор, просмотревший рукопись, отметил, что надо выбросить, что изменить, что расширить.

– Со стороны виднее, – говорят мне.

Это так. Читая свои тексты, трудно убить в себе автора. Автор помнит, что вот это эссе писалось, когда на улице шел мокрый снег, а миниатюры рождались под ночной концерт лягушек в пруду. Ты вспоминаешь лягушек и жалеешь, что они исчезнут вместе с выброшенными строчками.

Рассказ

Однажды я написал рассказ.

– Много прилагательных, – сказали мне.

Убрал.

– Да и наречия лишние.

Убрал.

– Вот еще тут...

Убрал. Осталось одно заглавие.

– Хорошо-то как! – сказали мне.

Краткость

Вдруг понял, почему могу писать только кратко. Мне обрезают крылья журнал «Доклады Академии наук», куда я, еще дипломником, отправил свою первую статью. Меня заставили десять страниц текста ужать до трех.

– Ведь будет непонятно! – сопротивлялся я.

– Нам наступают на пятки, сейчас скорость важнее! – учили меня.

– Запомни, – добавляли учителя. – Короткие статьи читают, а длинные только просматривают.

Накапливаемая внезапность

Что-то пришло внезапно? Это неправильно. Все имеет историю. Внезапно мы осознаем момент, когда количество уже перешло в качество.

Иногда ко мне приходили замечательные мысли. Казалось, в самый неподходящий момент. Переходишь улицу на красный свет и вдруг осознаешь, что влюблен в женщину, на которую год не обращал внимания. Или стоишь в очереди за борщом в столовой, и тут озарение – все сделанное в лаборатории за последний месяц надо выкинуть. Или идешь веселый, энергичный, ловишь равнодушный женский взгляд и внезапно с болью понимаешь, что тебе уже не двадцать и даже не тридцать.

До этого работало подсознание. Часть мыслей была о реальном мире, а другая накапливала всякие виртуальные гадости или радости. А потом реальный мир соединился с виртуальным, и пришла та самая внезапность.

Сядишься писать рассказ, проходит вечер, второй, третий, а потом вдруг понимаешь, что рассказ не идет. Вроде и герои начали жить, и события произошли, но все это неинтересно, как неинтересна жизнь соседа-пенсионера, смотрящего целый день Первый канал ТВ.

Музы тоже приходят и уходят внезапно. Теперь я знаю, где они были, когда я сидел за компьютером, мучительно пы-

таясь складывать слова в предложения. Они прятались в подсознании и вели там свою разгульную музовую жизнь, не желая делиться со мной своими находками.

Музы нужны даже для фотосъемки. Иногда проснешься утром, глянешь в окно на серый дождь, и сразу куча идей, как передать грусть и слякоть, заполнивших мир. А на следующий день за окном солнце, краски, сплошная радость жизни. Берешь в руки камеру, идешь по улице и не видишь кадра.

Что это? Почему внезапно все погасло? А потому, что в этот момент из подсознания внезапно вылезли другие проблемы: завтра к зубному врачу, не идет проект на работе, забыл, кто такая Семирамида, откуда взялось выражение «врет как сивый мерин» и кем приходилась Петру Первому Анна Иоанновна.

Что же... бывает и так. Бороться с этим трудно, да и надо ли? Проще сходить к стоматологу, закончить проект, узнать про Семирамиду и древнюю Ассирию, а лишь потом выйти с фотокамерой на улицу или сесть за компьютер, решительно забыв про неоконченный рассказ.

Повторения

Каждый пишущий знает, как сложно бороться с повторениями.

Мы не компьютеры, мы забываем. Или чем-то так переполнены, что поневоле везде расплескиваем одни и те же воспоминания.

Однажды мой виртуальный друг Сергей Еремин провел анализ всего, что я написал. Читая, он устал от моих вечерних электричек и платонической любви.

Я хотел написать, что не виноват – ведь моя молодость прошла в электричках.

Но вовремя остановился. Мало ли у кого где что прошло. Читателю это знать не обязательно.

Я вполне мог бы написать, что дело было в самолете.

Приземляется самолет в городе Мытищи, входит загадочная женщина. В салоне сразу запахло французскими духами. Все пассажиры моментально забыли, что из разбитого иллюминатора тянет сыростью и туманом.

– На платформе Тарасовка самолет приземлится? – спрашивает незнакомка.

– Да, – говорю я, не отрывая глаз от ее красивой дубленки. – Только там темно и страшно. Я вас провожу от аэродрома домой.

– Спасибо, – улыбается незнакомка, и мы взлетаем.

На темной, заснеженной улице пытаюсь узнать номер ее телефона.

– Зачем? – спрашивает незнакомка.

– Буду звонить и приставать. Иначе, через много лет меня обругают, что слишком часто общался с женщинами платонически.

– Со мной вы не будете общаться платонически?

– Никогда! Иначе, будущим поколениям будет неинтересно.

Она диктует телефон и интересуется, есть ли у меня квартира. Квартиры у меня нет.

– Студент, что ли?

Удрученно киваю.

– Учись, студент! – смеется незнакомка. – Подрастешь – позвони!

И тут рассказ надо оборвать, чтобы сохранить интригу. Электрички в сюжете нет, но элементы платонической любви остались. Никак без нее не получается.

Еще я люблю и повторяю слово «диван».

Мне даже пишут, что мои тексты – непереносимый гимн дивану.

А что делать?

Жизнь моя около дивана или на нем. Работа – это перемещение от дивана к компьютеру.

На диване рождаются мысли. Около компьютера рождаются слова. Выкинь диван – останутся одни слова.

Писать слова умеет каждый. И пишет.

Я читаю и сразу понимаю, где был диван, а где только стул у компьютера.

Так что без дивана и платонической любви никак нельзя.

Нет мистики

– От тебя уйдут все читатели! Ты стал скучен и рационален. Люди устали от реальности, они хотят читать о мистике, волшебстве и неведомых силах. А ты все сводишь к теории вероятностей.

– Эта теория достаточно мистическая.

– Глупости, это просто обман наивных. Желательно написать, например, как неведомая сила поднимает тебя по утрам и заставляет ехать на работу. На улице дождь, ветер, в машине красивые женщины поют о любви, а ты несешься как оголтелый, подгоняемый чем-то волшебным-непознанным.

– Понял. Надо описать рабочий день, нагнетая мистику и трепет эфира от летающих призраков, управляемых неведомой силой. В конце – разоблачение всей этой магии.

Неведомая сила окажется просто ожиданием зарплаты по пятницам.

Второй аккорд

Несчастен, кто берет аккорд и думает,

Каким будет второй.

– Ольга Седакова

Люди работают с числами.

Даже политики: сколько у тебя врагов и союзников, что будет с экономикой, если подпишешь эту бумагу?

Про физиков, инженеров, программистов и даже биологов я умолчу.

Это несчастные люди, если верить Седаковой. После каждого числа им надо думать о следующем.

Но с числами работают не все.

Однажды к нам пришел знакомый художник и стал рисовать над детской кроваткой кролика из «Алисы в стране чудес».

– А что будет вокруг кролика? – спросил я.

– Пока не знаю, – сказал художник.

Вы наблюдали за умелыми танцорами?

Они не представляют, что сделает их тело через секунду. Они просто купаются в музыке. Как пловец в волнах.

А как работают писатели? Даже те, кто любит составлять план рассказа или повести.

Через три страницы их герои живут самостоятельно.

– К черту этот план! Кто мог догадаться, что он ее разлюбит и уволится с работы?

Поэт, если он не пишет политические стихи, вообще начинает с первой строчки, ритмического импульса. Если нравится, дальше все летит.

А если не летит?

Тогда Ольга права. Если думаешь о втором аккорде, ты несчастен. Каждая строка – мука. В следующий абзац вообще страшно заглядывать.

Значит, сегодня не твой день.

Тогда лучше пойти на кухню, пожарить мясо, открыть бутылку вина, сесть за стол и подумать, с чего начать: пропылесосить квартиру или починить дверной замок.

Триптих

У испанского художника Хуана Миро есть замечательный триптих. На голубом фоне черные пятна и красные полосы. Число пятен уменьшается с ростом номера картин триптиха. Все это «дышит холодным трансцендентализмом». Люди стоят на коленях перед этим шедевром. Идея и в самом деле потрясающая. Я решил попробовать написать триптих миниатюр, отдавая должное автору идеи.

1. Вечернее небо расколол рев истребителя. С веток засохшей акации с шумом поднялась стая ворон, добавив хаос в спокойный вечер.

2. Улетел истребитель, вороны долго не могли успокоиться – теперь они были возбуждены своими же криками.

3. – Ша! – каркнул вожак стаи. – Теперь мы снова самые сильные и умные!

Вороны обрадовались и уселись на свои ветки.

Склоняясь в почтении

Дорогие филологи, литературоведы, журналисты и писатели!

Без малейшей иронии и стёба я снимаю шляпу и склоняюсь перед вами в неопишемом почтении.

Если бы президентом был я, то мой первый указ был бы простым: всем, кто окончил без троек факультеты филологии или журналистики, выдавать немалое ежемесячное пособие до конца жизни.

Ибо такие головы надо беречь и размножать, совершенствуя государственный генофонд.

Технарем может стать каждый. Аристотелева логика заложена в нашем сознании с рождения. Всем понятно, что если у тебя столько же яблок, как у Васи, а у Васи столько же яблок, как у Пети, то у тебя и Пети одинаковое количество яблок.

В литературе не так.

Если ты любишь Нину, а Нина любит Сашу, это не означает, что ты любишь Сашу.

Если ты нашел 300 рублей и хочешь разделить их поровну с двумя приятелями, то думаете, надо по сто рублей каждому? «Нет! – говорит г-жа Простакова – Врет он, друг мой сердечный. Нашел деньги – ни с кем не делись. Все себе возьми, Митрофанушка. Не учись этой дурацкой науке».

Ладно, это не только литература, но и жизнь. Это еще можно освоить по книге «Теория жизни для чайников», которую мы читаем каждый день.

Но какой надо иметь ум, чтобы с ходу понять фразу, написанную Юрием Лотманом:

Повторяемость равнозначна эквивалентности, возникающей на основе отношения неполного равенства, — при наличии уровня (уровней), на котором элементы равны, и уровня (уровней), на котором равенства нет.

Авторитетно заявляю, что квантовая электродинамика проще.

Однажды, в период кризиса среднего возраста, я захотел поступить в Литературный институт. Но ангел-хранитель и чертенок за плечами, отговорили. Спасибо вам, мои друзья. Это был бы сплошной позор, переходящий в неизлечимую депрессию.

Я сегодня одолел книгу Лотмана «Структура художественного текста». Подозреваю, что все писатели и журналисты, изучавшие теорию литературы, были вынуждены ее прочесть.

Прочесть несложно. Но как все это запомнить и сдать экзамен?

Я знаком с теорией Колмогорова, а энтропия текстов — это мой повседневный инструмент. Думал, что все это понимаю. Сейчас, прочитав об этом у Лотмана, я понял, что заблуждался. Про теорию Лобачевского, описанную в этой книге,

я умолчу.

Хорошо, эти страницы можно пропустить. Но и оставшиеся мне были недоступны. Мозги у меня не на то заточены. Поэтому повторяю: «Дорогие филологи, журналисты и писатели! Вы умницы и вас надо беречь!»

Я много узнал нового. Теперь понимаю, чем фабула отличается от сюжета и могу сказать, что строчки:

*Как по нашему по саду все летает белый пух —
Хуже нету той досады, когда милый любит двух,*
связываются в форме простого примыкания.

Но больше всего меня порадовала фраза в последней главе: «Художественный текст — это не просто реализация структурных норм, но и их нарушение». Это бальзам на израненное сердце юного графомана.

Что дало мне это чтение? Повысилась гибкость ума, улучшилась память, выросла способность мгновенного поиска смысла в длинных фразах с учеными словами. Да еще, пожалуй, выросло желание прочитать ненаписанную книгу «Теория литературы для физиков».

Может кто-нибудь напишет, а?

Только, пожалуйста, без энтропии и теории Лобачевского.

Муза на столе

День выдался жарким и душным. Вечером на западе появилась грозовая туча, обещавшая сменить духоту на сырость. Я сидел за компьютером, пытаюсь не думать о туче. Вдруг в воздухе что-то прошелестело. На край стола уселась Муза, болтая загорелыми ногами.

– Привет! И где тебя носило?

– Работы много: у всех то кризис мировой, то зарплата маленькая, то тупик творческий, то настроение плохое.

– Тупик творческий – звучит красиво. Я зашел в тупик, оказавшийся творческим! Это лучше, чем творческий тупик.

– Давай к делу, у тебя проблемы?

– У меня вопрос: как писать, чтобы сделать мир лучше?

– У тебя не получится. Еще Камю сказал, что мир изменится от твоих мыслей только если эти мысли изменят тебя. А ты меняться не собираешься. Лучше создавай свой мир, где всем будет уютно и спокойно.

– Тихое болото среди лесного пожара?

– Ага, болото с надеждой и мечтами, что хоть где-то мир не сошел с ума. Болото, где исполняются простые желания. Пиши про эти желания – это всегда будет казаться правдой и истиной. Все другое приводит в ярость.

– А это кто сказал?

– Андре Моруа.

– А что Моруа про телевизор сказал? Там болото не показывают.

– Моруа его не смотрел. Он знал, что несчастны люди, зависящие от чужого мнения и событий внешнего мира.

– Моруа отстал от жизни, сейчас все наоборот. Где он находил счастье? В любви?

– Вроде да. Он писал, что время, проведенное с женщиной, нельзя считать потерянным. И перестань пялиться на мои ноги – я на работе. Продиктовать?

– Слушаю.

«День выдался жарким и душным», – сказала Муза.

Я начал стучать по клавишам.

Из записной книжки – 1

Научпоп

Девиз авторов научно-популярной литературы: «Какой научпоп, такой научприход».

Зацикленность

Люди, зацикленные на политике, видят скрытый смысл даже во фразе «над морем догорал закат». Так им и надо, тем, кто за морем. Мало того, что у них закат, так он еще и догорает.

Герои

Лежу на диване, вспоминаю недавно прочитанные книги. Не нахожу ни одного положительного героя. Давно я не читал книг «для детей и юношества».

Между строк

Писатель мастерски писал между строк. Но никогда не подозревал об этом!

Печальные абзацы

Иногда без всяких причин наваливается тоска. Нет причин – нет слов. Описать это трудно. Что тогда делать писателям? Наверное, надо оставлять в книге пустые страницы,

куда вдумчивый читатель будет мысленно вставлять печальные абзацы своей жизни.

Какими должны быть музы

Музы должны быть легкомысленными женщинами. Иначе тянет написать нечто эпохально-фундаментальное, что никто никогда не прочитает.

Мысли и слова

У писателя должны быть свои мысли и умение их спрятать среди слов.

Ревность

Литературная ревность – когда твой любимый читатель начинает читать других и хвалить их так же, как хвалил тебя.

Чтение

Глупо пытаться запомнить все прочитанное. Все равно запомнится только то, что ты знал раньше или что тебе нужно сегодня, или то, о чем ты думал в последнее время.

Снял сапоги

Александр Генис в своей книге о Довлатове написал, что Горький запрещал молодым авторам писать «снял сапоги», потому что это уже было до них сказано.

Сделал поиск на сайте Проза.ру. Оказалось, что слова

«снял сапоги» написали 4000 авторов.

Горького на них нет!

Красивые обои

Если текст с заковыристым слогом, неожиданными метафорами, то мысли там не обязательны. Ведь бывают красивые обои на стенах.

Физики и лирики

Физикам хорошо – вывел формулу, проверил ее в эксперименте и дело сделано. Все объективно, чужие мнения только восторженные или справедливо-критические. Результаты не зависят от моды и настроений политиков. Ты готов обсуждать свои формулы с коллегами-профессионалами. От этого только польза для дела, новые идеи и трепет в душе, заставляющий работать мозг.

А лирикам живется несладко. Стихи кому-то нравятся, кому-то не нравятся. Для кого-то мало лирики, для кого-то мало пафоса. Рифмы избиты для одного, свежи для другого.

Картины художников или слишком реалистичны, или непонятны. Что ты хотел сказать? Вот это? Так это уже сказано другими мастерами. Где поток свежих идей, где находки, от которых сохнет в горле и горит душа?

Ты фотограф? Твои снимки слишком стандартны. Все это уже было. А этот, говоришь, нестандартный? Тут ты нарушил все правила композиции и света. Читай учебники, покупай альбомы мастеров, учись.

Написал роман? Ну и что ты несешь нового утомленному чтением человечеству? Я не вижу твоих героев, они бестелесны. Такое чувство, что кроме головы у них ничего нет. Какой рост у твоей героини? Похожа на Сикстинскую мадонну? Такая же толстая и испуганная? Не мог твой герой такую

полюбить, я похож на него, я знаю. Ты бы лучше снег перед домом почистил, чем графоманией заниматься.

Говорят, что лирики любят выпивать и ведут беспорядочную половую жизнь. Не осуждайте их, работа у них тяжелая, нервная. Хотя как-то надо урывать кусочек счастья.

Муки и музы

Усталый писатель Глыба сидел за обеденным столом и думал о новом романе. За окном кружила вечерняя метель, от порывов ветра дрожали стекла. Это мешало Глыбе сосредоточиться на винегрете и запотевшей стопке.

– В такую погоду можно писать только под диктовку, – наконец сформулировал писатель свою мысль. – И где эти музы шляются?

Тут в воздухе зашелестело, запахло цветочными духами и свежим снегом. Глыба встряхнул головой, зажмурил глаза, потом открыл и увидел за столом трех молодых женщин в старомодных длинных белых платьях с рукавами-фонариками. Одна из них сбегала на кухню, принесла три стопки, разлила водку и все трое быстренько выпили.

– Закусывайте, – писатель придвинул к ним тарелку с винегретом.

– Мы торопимся, – сказала брюнетка, сидящая ближе всего к писателю. – Какие у тебя проблемы?

– Роман, вот... – начал Глыба.

– О чем? – уточнила брюнетка.

– О любви...

– Очень оригинально! – восхитилась брюнетка. – Эрата, это по твоей части.

Эрата, крупная блондинка с полными руками и строгим

лицом, на секунду задумалась.

– Да уж... – сказала она. – Я сегодня уже три романа придумала. Вот разве что... Он и она встретились, стали жить вместе. Потом она стала замечать, что во время ее монологов он ее не слушает, а придумывает свой монолог, никак не связанный с тем, что говорит она. Так начался конец их любви.

– Фигня все это! – пожал плечами писатель Глыба. – Женские штучки, я так мелко не пишу. Мне нужен социально-экономический фон и серьезные проблемы.

– Тогда это к Каллиопе, – предложила Эрата.

Каллиопой оказалась брюнетка, которая торопилась больше всех. Она сверкнула черными глазами и предложила, что героя уволили с работы и он, весь такой разочарованный, вступил в какую-то партию, чтобы бороться с властью. А героиня была пленена его пламенными речами и мечтала научиться говорить, как ее любимый.

– Фигня все это! – снова повторил Глыба. – Увлеченность политикой убьет всю лирику.

– Лирика – это по твоей части, Эвтерпа, – брюнетка обратилась к третьей музе, норовившей втихомолку наполнить стопку еще раз.

Эвтерпа, поняв, что скрыть ничего не удастся, налила всем по стопке, не дожидаясь тоста быстренько выпила, вытерла губы и сказала:

– Элементарно! Когда они осознали свою любовь, то сра-

зу разочаровались в политике, продали московские квартиры и уехали в Индию, чтобы жить на берегу океана. Любовь не бывает долгой, если нет совместных увлечений – поэтому они стали изучать йогу и тибетскую медицину. По вечерам они сидели на пляже в позе лотос и медитировали, любуясь волшебными закатами.

– Ну да! – обрадовалась Эрата. – А после медитации они разговаривали, и вот ту она начала понимать, что он любит себя больше чем ее.

– Все, писатель, – сказала Каллиопа, – роман готов, мы полетели, зови, если что.

– Стоп! – поднял руку Глыба. – А чем все закончится?

– Разводом и разбитыми корытами, – вздохнула Эрата.

– Их партия на выборах не наберет и одного процента голосов, – уверенно молвила Каллиопа.

– Начнется сезон дождей, прохудится крыша хижины, у них украдут деньги и они, забыв про развод, снова будут вместе, чтобы преодолевать трудности, – сказал Эвтерпа.

В окно ударил снежный заряд, писатель вздрогнул, посмотрел на темное стекло, задумался, а когда вернулся в реальность, то за столом кроме него уже никого не было.

– Сложно все это, – сказал он сам себе. – И длинно как-то. Вот напишу, что они любили друг друга, а когда потратили все деньги, то любовь закончилась. Это просто и жизненно.

Прошла минута, в комнату ворвались свистящие звуки ветра и еле слышные женские голоса.

– Вот козел! – сказал первый голос. – Только время потеряли. Может ему и правда надо диктовать?

– Перетопчется! – возразил второй голос. – Мы свою работу сделали, в отчет занесем, на Парнасе будут довольны.

– Зря я у него винегрет не попробовала, – грустно сказал третий голос. – А сюжет, который он предложил, и правда жизненный. Вот представьте: мы к нему прилетели, а стол пустой. Мы голодные, злые, трезвые – какая тут любовь?

Чужие правила

Ты ощущаешь могущество, когда не знаешь правил. Ты – царь, если создаешь правила, а не следуешь чужим.

Выходя на улицу, ты подчиняешься уголовному и гражданскому кодексам. Есть еще скрижали общественного мнения и немного личной совести, мешающей чувствовать себя царем.

Эти правила относятся к телу. Сознание свободно. Мысленно ты расправляешься с врагами, защищаешь обиженных, обладаешь всеми красивыми женщинами, пренебрегаешь суетой повседневности и умеешь радоваться мелочам. У тебя свои правила, царские. Никто не может их нарушить, сказать «нет» и даже выразить малейшее сомнение.

Ты, свободный и великодушный, садишься за стол и пытаешься рассказать о замечательном мире, где ты царь, главный судья и мудрец. В твоём распоряжении миллионы слов, готовых сложиться в мудрости – свод законов и правил этого мира.

Но что это? Почему на пути словесного потока стоит плотина и только маленький ручеек течет по обводному каналчику? Свобода мыслей не переносится на бумагу. Хорошо, смиримся. Бурному потоку мешают кодексы и общественное мнение. И еще понимание, что слова на бумаге имеют ценность, если их читают другие. А эти «другие» не хотят

читать, что не пропустили скрижали. А если и хотят, то их не пустят те, кто начертал на скрижалях правила. А если пропустят из-за рассеянности или усталости, то внизу по течению стоит толпа с ржавыми топорами и с ведрами полными дерьма, готовая растерзать любое случайно просочившееся слово.

Царь в голове бессилен перед такой армией. Он стоит на берегу и смотрит, как плывут его искалеченные и испачканные слова. Отмыть их? Сразаться с тьмой, готовой разнести скрижали в своих же головах, лишь бы не колыхалось привычное болото, медленно сползающее в бездну? Или зайти повыше и слепить из слов новые кораблики надежды, пустив их в опасное плавание?

Да, наверное. Если ты уверен, что мир, где ты царь, заслуживает такого труда.

Еще вопрос: как лепить эти кораблики? Уж тут, кажется, полная свобода – придумывай свои правила. Никто не обязан им следовать. Складывай слова, как только они рождаются в твоём мире, как плывут под мелодию, которую ты слышишь.

Вот только для тебя звучит мелодия. Другие читают слова куплетов и припева, не слыша музыки. Ведь не будешь ты каждому напевать, что сопровождало рождение чуда. Ты, вздыхая и огорчаясь, перекладываешь слова на привычные, знакомые всем напевы. И понимаешь, что начал подчиняться чужим правилам.

Закрыт блокнот, кресло акуратна придвинуто к столу.
Ты расстался с правильными строками. Теперь опять свободен в мире, где правила придумываешь сам.

Музы и редактирование

Когда занимаешься редактированием, творческие музы близко не подходят. Я слышу их шепот:

- Надо же, сел работать. И без нашей помощи!
- Вид-то какой умный!
- А запятые перед «как» все равно не научился правильно ставить.

- Ага, и времена глаголов мешает в одном предложении.
- Местоимений, местоимений-то сколько!
- Может, подскажем ему?
- Никогда! За редактирование надо платить, а мы девушки творческие, нам деньги нельзя брать в руки.
- Может, поволонтерим?
- Не музовское это дело.

Я говорю им «Кыш!» и открываю справочник Розенталя. Кто мог предположить, что я когда-нибудь буду сожалеть о своей дремоте на уроках русского языка, будучи уверенным, что обойдусь физикой и математикой.

Диалог

Айзек Азимов терпеть не мог путешествовать. Однажды по заданию правительства ему пришлось слетать из Сан-Франциско на Гавайи, и этот полет навсегда отбил у него желание куда-либо передвигаться. Он путешествовал по своим мирам, сидя за письменным столом перед пишущей машинкой. Миры появлялись в сознании, этого ему было достаточно.

– Вот видишь! – сказал внутренний голос. – Умный он человек. А ты мотался через океан – и для чего? Семь полубессонных ночей, винегрет из дневных картинок, и сейчас, на пятый день после прилета, не спишь, думаешь о всяких глупостях и переживаешь о том, что тебя давно никаким боком не касается.

– Знаешь, приятель, – ответил я внутреннему голосу, – есть у меня привычка поехать куда-нибудь на машине, но через пять минут вернуться и проверить – закрыл ли я дверь гаража. Приеду, посмотрю и успокоюсь.

– Можно позвонить соседу и попросить его посмотреть в окно, – сказал умный внутренний голос.

– Можно. Но я предпочитаю все увидеть самому. И еще одно. Представь, что в холодной степи горит костер. Идет снег, метель заносит дороги, тучи низкие несутся как ужаленные...

– Какой кошмар!

– Ну да... Ты видел фото этого костра, в Гугле нашел его координаты, и даже фото со спутника рассматривал. Но никто не мог сказать, как тепло тебе будет около этого костра. И как потрескивают горящие дрова, и как пахнет дым...

– Ты что, костров не видел? – удивился внутренний голос. – Меня бы спросил, если забыл. Я бы столько порассказал!

– Ладно, этого ты не понял. А вот представь беременную женщину...

– Запросто! Мы же с тобой вместе вчера в компании штук десять видели.

– Да, видели. Еще можно в Инете посмотреть. А представь, какая разница, когда ты видишь или кладешь женщине на живот ладонь и чувствуешь, как ее толкает маленькая пяточка.

– Так за это можно в глаз!

– А если женщина будет рада этому?

Диалог закончился. Внутренний голос ушел болтать с моими музами, а я стал смотреть в окно. Там красный кардинал радостно прыгал вокруг кормушки, светило неяркое ноябрьское солнце, на газоне таял случайно выпавший снег.

Из записной книжки – 2

Бессознательное

– Всё сознательное роботы делают лучше нас, – говорит друг-физик. – Вот надо, например, дверь починить. Роботы сразу сообразят, петли поправят, утеплитель подберут...

– И вся эволюция была для того, чтобы мы научились делать что-то бессознательное?

– Все творчество – бессознательное. Фразы, мелодии, формулы, краски на холсте – это появляется вне нашей тупой логики.

Правда виртуальной жизни

Я как-то писал, что «правда жизни – это разница между утренними планами и вечерним подведением итогов».

Это о правде беспощадной реальной жизни. В моей виртуальной жизни правды нет совсем. И еще там нет планов и итогов. Я просто лечу где-то над облаками, где все любят, любимы и хорошо кушают.

Новый сюжет

– Новые сюжеты легко получать из старых. Вот история про Отелло и Дездемону. Нужно, чтобы Дездемона начала ревновать Отелло, учуяв запах незнакомых женских духов!

– А потом Дездемона душит Отелло?

– Нет, конечно! Это слишком зеркально! Пусть Отелло снова душит Дездемону, чтобы она не совала свой нос в мужские дела!

Притча

- Ты можешь придумать притчу?
- Запросто! Один мудрец решил жениться. «Зачем?» – спросили его ученики. Мудрец задумался и передумал.
- Притча должна заканчиваться поучением.
- Думать меньше надо!

Разрушенная сказка

Придумать сказку очень трудно. Еще труднее ее воплотить и жить в этой сказке. Но зато очень легко все разрушить. Достаточно просто пожать плечами и отвернуться.

Логика

Одна из статей на Snob.ru начинается так: «... фильм Звягинцева, не заслуживающий и одной строчки обсуждения...» После этого идет более сотни строк обсуждения и осуждения фильма. Я не про фильм. Я про логику. Все-таки надо бы ее преподавать в школе.

Читатель

Короткий рассказ – план архитектора. Читатель – каменщик и плотник, он строит дом по плану, украшая и изменяя

его по своему вкусу. Вот только архитектора жалко.

Ремарк

Оказалось, что Ремарк писал рассказы. Успех к нему пришел после «На западном фронте без перемен». До этого двенадцать лет он писал слабенькие рассказы, эссе и статьи. А потом внутри что-то щелкнуло, и началась серия замечательных романов. И почему я думал, что он сразу начал с «западного фронта»?

Все-таки мало шансов, не играя гаммы и этюды, однажды проснуться великим скрипачом.

Китайские печеньки

Заготовки записок в китайские печеньки для банкета юных прозаиков.

– Не огорчайся, что читателей стало меньше, чем писателей. Многие писатели тоже умеют читать.

– Не встречайся с читателями, не разочаровывай их.

– Хочешь задеть сердце читателя? Убей в себе оптимиста.

– Не договаривай – иначе скажешь лишнее.

– Что-то пошло не так, если для создания сюжетов тебе надо слушать чужие разговоры.

– Любишь анализировать? Когда пишешь – заставь лучше думать читателя.

– Женщины, вино и деньги – помеха творчеству только начинающих писателей.

– Мучая себя, не заставляй мучиться читателя.

– Про кого бы ты ни написал, читатели будут думать, что это про тебя.

– Чего-то не понимаешь? Напиши об этом. Дискуссия будет интересной.

– Пишешь витиевато? Молодец! Читать не будут, но похвалу получишь.

– Любишь деньги – брось писать.

– Дразня людей несбыточным, утешай их. Говори, что это мир иной.

– Стало трудно писать? Поздравляю! Ты поднялся еще на одну ступеньку.

– Пишешь кратко? Будь готов, что каждый поймет тебя по-своему.

– Иногда пиши о вечном. Это единственный шанс не быть забытым через неделю.

– Если не можешь не писать, то пиши хотя бы помедленнее.

– Мало читателей? Но ведь настоящих писателей еще меньше.

– Учти, читатели прочтут у тебя только то, что понимают сами.

– Пока ты не умрешь – другие писатели будут тебя ненавидеть.

– Пиши кратко, если тебе есть на что жить.

– Пересказывая случаи из жизни, ты больше похож на фотографа, чем на художника.

– Чем больше ты будешь думать, о чем не надо писать, тем больше шансов, что ты ничего не напишешь.

– Лень – сестра краткости.

– Не знаешь жизни? Так и пиши: «Не знаю!» Ее мало кто знает.

Он так видит

Почему я люблю художников?

Они способны видеть мир так, как им хочется и не замечать того, что им не нравится.

Талантливые художники еще способны показать миру, как они его видят.

Вот почему у Питера Брейгеля Старшего такие тупые лица на полотнах?

А других он не видел.

А почему у Модильяни почти все женщины худые?

На других он не обращал внимания.

Прочитал у Веллера. Когда Сальвадора Дали спросили, почему он в своих мемуарах нелицеприятно описал одного из своих друзей, Сальвадор произнес гениальную фразу:

– Я писал мемуары, чтобы поставить на пьедестал себя, а не его.

Так он себя видел.

Писатели – те же художники. Только они рисуют плохо. Потому в писатели и пошли.

Они рисуют окружающий мир с помощью букв. Рисуют так, как видят или как понимают. Правды нет ни в одной строчке.

Есть только отражение правды.

Писатели берут кусочки этой правды, приглаживают,

окрашивают в темное или светлое, потом пишут слова. Иногда не приглаживают, а наоборот – отсекают, что им не нравится, создавая нечто колючее.

Мемуары – не исключение.

Там автор или герой, или хихикающий велосипедист. Крутит он педали, смотрит по сторонам и посмеивается. Кто-то крикнул обидное, а он улыбнулся и помчался дальше.

У того, кто кричал, может вся спина белая, или велосипеда у него нет.

Дальше ехать лучше, там не кричат. Там автора любят. Там автору наливают.

Автор-герой стоит на пьедестале. Скучно ему. Все проходят мимо и спрашивают:

– А кто это там такой каменный?

– Это герой.

– Ааа... Ну пусть стоит.

А велосипедист нарезает круги по площади вокруг героя и улыбается. На голове у него шутовской колпак, он свой, он не каменный. И видит велосипедист то, что хочет видеть. Женщины у него красивые, мужчины выпивают, но тоже хорошо выглядят. И правильно оценивают окружающую среду: «Ничего, прорвемся! Не из таких жоп вылезали». Вокруг велосипедиста – красавицы, герои или просто веселые люди – это ему нравится. Это не вся правда, но так он видит. По-другому не хочет.

Зачем ты пишешь

Я пишу, чтобы узнать, о чем я думаю, на что смотрю, что я вижу и что это значит.

— Джоан Дидион.

Спасибо Джоан, теперь я знаю, зачем пишу. Наконец-то в голове ясность и понимание моей сущности. Все легло на свои полочки.

Вот ты идешь по улице мимо высокого забора и думаешь о всяких безобразиях и глупостях.

А вечером сядешь за стол, придвинешь клавиатуру — и вдруг тебя осеняет, что ты не просто шел и смотрел на забор, а был охвачен чувством необыкновенным. Казалось, что за забором жизнь весела и прекрасна, а ты никогда не окажешься на чужом празднике за высокими серыми досками. И так тебе было горько, такая безысходность грызла сердце. И понял ты эту горькую правду только сейчас, сидя перед компьютерным экраном.

Вчера ты ходил в кафе, где объелся жареной бараниной с овощами. Потом сидел очень задумчивый, пил ядовитую кока-колу и смотрел в окно, где мартовский ветер гонял по улицам накопившийся за зиму мусор. Думал, что тут хорошо, уютно, и так не хочется идти в офис.

Ну нет, понимаешь ты вечером, вытирая пальцем пыль

на клавише «ё». На самом деле ты смотрел на брюнетку за соседним столиком, так похожую на всех женщин, которых ты любил. Думал, как прекрасно, что тебе не двадцать пять, что не надо мучиться и придумывать, как познакомиться с этой красавицей. И не надо потом ходить на концерты, которые терпеть не можешь, говорить о писателях, книг которых не читал, и клевать носом в ресторанах, не зная, о чем еще разговаривать со своей спутницей.

А как еще можно узнать, что ты реально чувствовал, что хотел узнать, что мучило тебя, вызывая тяжесть мыслей и нежелание что-либо делать? Только слова, написанные вечером, способны раскрыть тайны подсознания, неустанно работавшего весь день – о чем ты даже не подозревал. Только слова могут воскресить неосознанные тобой терзания и твое место в inferнальности окружающего мира, который днем казался вполне разумным и даже привлекательным.

Фразы

Женщины-ангелы могут быть музами только для поэтов, для прозаиков лучше работают женщины-ведьмы с топором и с безжалостным секундомером.

Почему выражение «выйти в тираж» означает спад творческой активности? Наверное, мешают деньги, полученные от тиража.

Почему так много бардов мечтает стать пиратами? Ты можешь представить пиратский корабль с командой из наших бардов?

Хороший рассказ похож на хороший мультфильм. Там художник из-за своей лени или гениальности рисует только то, что действительно важно.

Во времена перемен можно писать дневник, но не роман.

Единственное преимущество совсем юных писателей перед просто юными – у них в записных книжках почти нет навсегда отключенных номеров телефонов.

Если очень верить в свой талант, то обязательно найдутся причины твоих неудач.

Если писать и никого не цитировать, то выглядишь неучем. Если цитировать, то выглядишь человеком без своих мыслей. Не знаю, есть ли тут золотая середина.

Когда улетают музы, начинает интересоваться чужое мнение.

Любой детектив становится нечитабельным, если туда вставить длинные описания природы.

Написанное мною часто понимают не так, как я. Это нормально – я сам себя не всегда понимаю.

Писать кратко – значит делать читателя своим соавтором.

Чем больше мыслей, тем меньше страха, что их украдут.

Как мне нравится фраза Пелевина: «занавеска в окне разрушенной башни»! Это почти как улыбка Чеширского кота.

Многие не хотят читать выдуманные истории. Но ведь зачастую только так писатель может высказать самые сокровенные мысли.

Три совета юным писателям

- Если сюжет зашел в тупик, начинайте описывать прошедшие события от другого лица.
- Всегда начинайте писать рассказ. А получится из этого повесть или афоризм – это уж как муза подскажет.
- Хотите описать в романе своих друзей, но не хотите, чтобы они себя узнали? Смените им пол!

Четвертый вопрос русской интеллигенции

Уже обо всем написано! Нам осталось переставлять слова или делать грамматические ошибки. Что бы вы ни придумали, окажется, что об этом говорили еще во времена Аристотеля.

С афоризмами просто беда! Все мысли давно сформулированы. У кого-то лучше, у кого-то хуже. Писать не надо. Откройте Гугл и найдите, кто это написал.

Хотите примеры? Сколько угодно!

Придумал: «перед женщинами надо сразу извиняться за свои ошибки. И извиняться вдвойне за их собственные».

Нашел у Альфреда Капю: «Женщины не прощают нам наших ошибок – и даже своих собственных!»

Придумал: «какое счастье быть глупым и здоровым!»

Нашел у Гюстава Флобера: «Быть тупым, эгоистичным и иметь хорошее здоровье – три основополагающих фактора счастья».

Придумал: «Не надо давать советы женщинам, надо просто исправлять то, что они сделали».

Нашел у Абеля Эрмана: «Женщины не следуют дурным советам – они их опережают!»

Придумал: «Ищите женщину! – такое мог написать только мужчина. У женщин мало времени, чтобы писать такие

глупости!»

Нашел у Сэмюэля Джонсона: «Так как писать умели главным образом мужчины, все несчастья на свете были приписаны женщинам».

Что теперь делать? Не читать и не писать?

Может, добавить этот вопрос к традиционным вопросам русской интеллигенции?

Из записной книжки – 3

Как все

Хочешь писать не как все? Будь готов, что читать это тоже будут не все.

Музы

Есть женщины музы, а есть антимузы. С последними всегда интереснее.

Потеря

Потерянный текст программы, потерянная рукопись повести или статьи – это не повод расстраиваться. Как правило, восстановленная работа лучше оригинала. Это иллюстрация к известному: «рукописи не горят».

Не специалист

Поймал себя на мысли, что, встретив в статье слова «я не специалист, но...», перестаю читать дальше. Если только не чувствую, что это кокетство.

Новости

Количество важных новостей сейчас такое, что приходится выбирать между «быть в курсе» и «расти над собой», читая книги и думая.

Если бы директором был я...

Я бы ввел в школах обязательные курсы логики, теории вероятностей и статистики. Тогда бы никто не писал такие шедевры: «все неправильно, потому что у нас на улице не так». И все бы еще запомнили, что нет «теории вероятности», а есть «теория вероятностей».

Особый путь

Читаю про «особый путь». В Гугле 500 тысяч ссылок. Все читать не стал. Понял, что особый путь есть у каждого из нас. Мой путь – постоянно тыкаться в закрытые ворота.

Кто родился?

Знакомый начал писать рассказы, и я понял, что родился новый Исаак Бабель. Однажды он подошел ко мне и сказал, что уничтожил все написанное. Я понял, что Бабель в нем умер, но зато родился Николай Васильевич Гоголь.

Все сказано

Не устаю убеждаться, что все мысли уже сформулированы, и теперь можно только соревноваться в изяществе изложения.

Маринина в своих романах несколько раз упоминает, что «лучшая ложь – это недосказанная правда». Но не ссылается на рассказ Гайдара «Чук и Гек».

Замечательные люди

Сколько же я знаю замечательных людей, про которых не напишешь книг. Как написать, что герой позавтракал, уехал на работу, вечер провел с семьей, все его любят, он готов бескорыстно прийти на помощь, он интересен, образован, развивается, он...

Нет завязки и развязки! Вот если бы он тайком ел мухоморы, сверял каждый шаг с таинственными знаками или разрывался в любовном пятиугольнике...

Хочется

Как же хочется, чтобы люди, не понимающие политику и экономику, перестали об этом писать! Ведь не пишут же они о квантовой теории поля. Или уже пишут?

Я так видел

Все написанные правдивые истории не совсем правдивы. Это не фотографии, а картины. Где-то можно веснушки убрать, где-то солнцем брызнуть, в углу зелененького добавить. Бедная реальность. Она бы себя не узнала.

– А что? – сказал художник. – Я так вижу!

– Вот именно! – сказал писатель. – Ведь и так могло быть.

Спрятанные мысли

Мысль, спрятанную в буквах, видит тот, кто думает также.

Другие в тех же буквах видят свои мысли.

Похоже на настоящую жизнь

Мне сказали, что настроение моих рассказов зависит от времени года, времени суток и от многого другого. Вот, дескать, в «Однажды» я писал об Америке восторженно, а сейчас с холодным сердцем. И о первой любви тоже. И о подмосковных электричках.

А как иначе? Кто-то работает как автомат?

Когда я писал «Однажды», то погружался в то время. Это я умею. Картинки сами рисуются, только успевай записывать.

Вот представьте: 90-е годы, впервые в Америке. Прибор с чувствительностью в сто (!) раз выше, чем в Москве. Мгновенный доступ к суперкомпьютеру. Все реактивы привозят на следующий день после заказа. Никаких Главлитов и Первых отделов – пишешь статью, отсылаешь электронной почтой, через месяц она опубликована. Все мыслимые журналы и книги, в том числе российские, под рукой.

Да и бытовые проблемы... Вернее, их отсутствие. Не надо лежать под «копейкой», чтобы сменить масляный насос. Можно утром сесть в машину, повернуть ключ и поехать. И не надо вывинчивать свечи, чтобы прокалить их дома на газовой плите.

Был восторг. Никаких совещаний, профсоюзов, парткомов, комсомольских секретарей, приемных министерств,

мотаний по стране в поисках денег на исследования, кооперативных дел, темных договоров с темными личностями. Записная книжка пухла от телефонов «нужных» людей. Вдруг это кончилось. Осталась только наука. Пять статей за год – нет проблем! Только думай и пиши.

Сейчас, конечно, восторги остыли. Да и Россия стала другой. Многие лучше, чем в Америке. Что-то мне активно не нравится, но ведь на всех не угодишь. С российской научной проблемы остались. Приезжая в родной институт... Ладно, не буду терзать сердце. Ушло золотое время, когда мы сидели сутками в лабораториях и выли от восторга, когда график шел так, как мы предсказывали. Сейчас восторг, когда получаешь грант. О грантах мы даже не слышали. Просто работали, завтрашний день был ясен, как день прошедший.

К чему я это все написал?

К тому, что, если погружаться в старые времена, а потом возвращаться в серые будни, то чувства будут разными. Электрички будут уютными или ужасными. Это зависит от тонкой настройки погружения. Вот поймал ты момент, когда был молод, красив и влюблен, – все отлично! Сиденья мягкие, в вагоне тихо, соседи улыбаются. А если пишешь голодным и усталым, тогда беда – под сиденьем стучит компрессор, окна грязные, сосед пьет портвейн из горлышка.

Не писать голодным и усталым? Может быть. А как же правды жизни? Ведь их много, этих правд. Что-то пропустишь – получается пастораль, лубок. Или ужас-ужас.

А если все сложить, получается немного похоже на настоящую жизнь.

Аура вещей

У старых подлинных вещей есть особая аура. Они помнят. Как физик, могу сказать, что ничто не проходит бесследно. Мы пока не можем считать накопленную вещами информацию, но она существует, никуда не пропала. Вот положил ты лист бумаги на стол, чирикаешь перышком, а молекулы стола сдвигаются, запоминают все, что пишешь.

А через 200 лет ты это чувствуешь. Или кажется, что чувствуешь. Это не важно, что только кажется. Важно то, что это для чего-то нужно.

Пятигорск, музей М. Ю. Лермонтова. Там хранится стол (привезенный из Петербурга), за которым написаны «Герой нашего времени», «Демон»...

Почему я не мог от него оторваться и пропустил все, что говорил экскурсовод?

Горят ли сейчас рукописи?

Закрыв одну кредитную карту, но через день понадобилась информация о том, что я покупал по этой карте в течение года.

На сайте банка красным по белому было написано, что счет успешно закрыт, и вообще – добрый день и удачи мне в новом году!

– Может рукописи и в самом деле не горят? – подумал я и позвонил в банк.

– С Новым годом! – сказал мне оператор банка.

– Мне бы информацию о моем прошлом!

– В течение пяти рабочих дней все будет доставлено.

Такое чувство, что рукописи и в самом деле перестали гореть.

Третий мир

Третий мир – это не про политику. О политике пишут в соцсетях. Все «эксперты» собрались там. Я не из этой компании.

Это о другом мире. Не реальном, не виртуальном. О самом главном мире. О том, что у нас в голове.

Туда приходят образы и звуки из остальных двух миров. Мы их раскладываем по полочкам. Что не поместилось, то забываем. Что-то на полочках замещается. Был человек хорошим – стал плохим. Кувшинчик с «хорошестью» выброшен и забыт. Теперь там кувшинчик со всякой гадостью. Была на полочке картинка с лицом усталой любимой. Теперь эта картинка ушла в пыльную папку, вместо нее новая – она выпалась и только что пришла из парикмахерской. Белая блузка, черный свитер. Улыбается. Такой и будешь помнить. Даже когда она постареет. Из реального мира придет другая картинка, а ты наложишь сверху эту, со свитером. И реальный мир уйдет на задний план.

Из записной книжки – 4

Правда

У тебя своя правда, у меня своя.

Ты воюешь за свою правду, а я сижу на заборе и посвящаю.

Каждый из нас прав!

А может, мы оба неправы.

Правда только то, что каждый вечер солнце будет скрываться за горами.

Условия для творчества

Самый лучший способ загубить ученого или писателя – создать для него идеальные условия для работы и отдыха.

Кабинет

Как бы хотелось работать в крошечном кабинете с окном на улицу. В окне люди, и ты бы чувствовал, что не один в этом мире, что твоя работа кому-то нужна. А в маленьком кабинете мысли не разбегаются, они отражаются от стенок и возвращаются на место.

Когда приходят мысли

Я смотрел на морской прибой, на пламя в камине, на ползущие по стеклу капли дождя, на плывущие в небе облака,

на падающие листья... но все мысли приходили за письменным столом.

Откуда мысли

– Откуда ты берешь мысли?

– Смотрю в окно.

– Что там показывают?

– Ничего. Поэтому приходится все самому придумывать.

Чтение

– Ты смог бы читать произведения писателей, чьи жизненные позиции не совпадают с твоими?

– Я это делаю постоянно. Альтернатива – не читать никого. Ведь с моими позициями согласен только я сам.

Сказки

Хорошие концы у сказок – только для одного или двух героев. Остальные персонажи остаются или становятся несчастными.

Можно ли вообще построить счастье без несчастья других?

К вопросу о...

В былые времена многие статьи начинались со скромных слов: «К вопросу о...».

Теперь можно увидеть названия со словами «Новый

взгляд на...»

Мир не стал скромнее.

Повторы

В одной своей книге нашел две одинаковых фразы. Это автоплагиат.

Как придумывают сказки

Как придумывают сказки?

Сначала надо помечтать и понять, чего тебе хочется.

Многим сказочникам хочется полцарства и принцессу в придачу.

Почему половину, а не целое царство?

Потому что совесть?

Ладно, пусть будет полцарства.

А принцессу-то зачем, если у тебя полцарства?

Сказочники явно не жили с принцессами, если о таком мечтают.

Принцессу приятно взять за руку и пройти с ней по сверкающему паркету от одной двери бального зала до другой.

За дверью надо раскланяться, прыгнуть в седло и бешеным галопом умчаться через поля и леса.

За что я так принцессу обидел?

Нет, я не против принцесс.

Иначе сказка сразу закончится.

Сказки всегда на свадьбе кончаются.

Особенно с принцессами.

А как надо писать другие сказки? Чтобы со счастливым концом.

Это и проблема – про счастье писать непросто.

Женить Иванушку-дурака на принцессе и забыть про него – это просто.

А как сделать его счастливым?

Чтобы он пять дней в неделю ходил на работу и был при этом счастлив.

Чтобы каждый день делал что-то хорошее для своей принцессы.

Чтобы постоянно думал о ней, ревновал, страдал, но не представлял себе жизни без нее.

Чтобы молчал о своих болячках, но искренне переживал о сопливом носе возлюбленной.

Чтобы каждый день с тревогой проверял, не подложил ли кто горошину под ее перину.

Чтобы день по-настоящему начинался только после того, как он скажет «доброе утро, любимая принцесса!»

И чтобы другие принцессы не казались лучше.

Как написать такую сказку?

Чтобы было интересно и читателям хотелось так жить.

Наверное, невозможно.

Я не видел таких сказок.

Про Бабу Ягу и Кощея – сколько угодно.

Про глупых медведей и умную Машеньку – читал.

И про кота в сапогах и про цветочек аленький.

А вот про усталую принцессу, которую надо срочно поить кофе и кормить мороженым – таких сказок нет.

Может, и правда это слишком фантастично даже для сказки?

Монологи о литературе

Поговорил со знакомыми о литературе. Послушал их монологи.

Монолог первый

Ты знаешь, почему в СССР читали книги? Там искали намеки на возможность что-то изменить. И чтобы поговорить в приличной трезвой компании. Ведь больше говорить было не о чем. Все тихо ехали по своим колеям: кто спивался, кто в начальники лез, кто клубнику выращивал. И каждый знал, что будет с ним лет эдак через десять.

Сейчас мы не знаем, что будет завтра. И это интереснее, чем выдуманные истории.

Монолог второй

Я сейчас не читаю художественную литературу. Пустая трата времени. У меня интересная работа, жена, дети, любовница. Мне бы успеть почитать книги по специальности, исторические, научные, философские... В общем, то, что содержит непрдуманную информацию.

А что мне даст книга про любовь? Я любил три раза, и каждая любовь была не похожа на предыдущую. Я приобретал новый опыт, делая новые ошибки. И что? Искать в книгах инструкции, чтобы не наступать на грабли любви

снова и снова? Такую книгу написать нельзя. И если мне будет суждено влюбиться в четвертый раз, то это будет новое.

Ты сейчас скажешь, что литература – это не справочник жизни. Я согласен. Но мне неинтересна жизнь вымышленных людей, пусть даже аранжированная внутренним миром писателя. У меня своя жизнь, и я прекрасно разберусь в ней без посторонней помощи. И учиться буду на своих ошибках – по-другому нельзя.

Я помню, как в школе девочки выписывали в блокнот цитаты из Бальзака, думая, что это пригодится в жизни. Ну вот выписала одна: «Женщины влюбляются в ум прежде, чем в красоту». И что? Все равно она влюбится в того, кто будет играть на гитаре и таинственно поглядывать на нее. Или в того, кто скажет ей, что она красивая. И никакие бальзаки и мопассаны ей не помогут.

Худлит – это для тех, кому некуда девать свое время. Не мой случай.

Монолог третий

Ты не сможешь писать для детей. Будет мешать твоя замкнутость на том, что в каждом рассказе должна быть умная мысль. А в детских книжках мысль ненавязчиво растворена в ситуации, в действии. И эти мысли не обязательно должны быть умными. Детям надо показывать, что жизнь бывает разной, не только такой, как дома с мамой, в садике или в классе.

Монолог четвертый

Вот представь: ты встречаешься с девушкой, прочитавшей «Библиотеку Всемирной Литературы» и еще до кучи – Маканина, Пелевина, Сорокина, Липскерова и Лукьяненко. А ты «Войну и Мир» изучил по Википедии, да еще по складам одолел «Москва – Петушки».

Сможете ли вы общаться? Запросто! Если ты смотришь на мир глазами не зомбированного телеящиком «индивидуя», то ей с тобой будет интересно, даже если ты не знаешь, чем дневной дозор отличается от ночного.

Монолог пятый

А я читаю только детективы и идиотскую фантастику. Насобачишься за день, нахлебаешься неустроенности нашего мира и хочется, чтобы мозг переключился на что-нибудь интеллектуально необременительное, как поиск серийного убийцы или проблемы общения с вурдалаками до крика первых петухов.

Монолог шестой

А мне нравятся книги, где есть готовые мысли-цитаты! Набрeдeшь на что-нибудь заковыристое, скопируешь к себе в Твиттер – и как будто умнее стал!

Монолог седьмой

Почему-то меня раздражают почти все современные писатели. Ну, написал он про несчастную любовь, про бандита из соседнего подъезда, про вора-банкира, про хама в трамвае... И что? Это я сам вижу каждый день! Было бы время, я тоже смог бы про это написать. Может, не так красиво, но суть не в этом. Я хочу знать пружины, которые сделали Ваську бандитом, а Петьку – вором. А пружины те высоко и далеко. Чтобы все понять, нужно с 1917-го года начинать. Понятно, что не каждому такое под силу. Так хоть коснись вопроса, копни хоть на штык лопаты! Ан нет, силенок умственных не хватает. Проблема загадочного пятна на рубашке обсуждается, а почему эту рубашку сшили не у нас, а в Китае – никого не волнует.

Монолог восьмой

Знаешь... мне почему-то нравятся книги про те места, где я никогда не был и про то, что я не испытал. Я никогда не стану китобоем, не буду мыть золото на Юконе, не буду плавать на плоту через океан... А прочитаешь про это и поймешь, что мир не такой простой, как у меня: дом, метро, работа, магазин...

Зачем мне это – не знаю. Может, для того, чтобы ценить свою устоявшуюся жизнь. Или для того, чтобы набраться сил и выскочить из колеи.

Монолог девятый

Вот есть же мастера! Вроде написано просто, сюжет летит, проглатываешь книгу за ночь, а потом думаешь о прочитанном неделю. Помню, прочитал я «Понедельник начинается в субботу» и дошло до меня, что я чучело необразованное! Про короля Артура ничего не знаю, о «демонах Максвелла» даже не слышал... Пришлось полазить, поискать. Вот так немного и образовался.

А недавно взял рассказы Дениса Драгунского – того самого, из Денискиных рассказов... Ну переспал он с одной барышней, с другой, встретил кого-то, про штаны подумал... Закрыв я эту книгу и забыл про нее.

Монолог десятый

А я так скажу: хорошие книги как одежда – ты все на себя примеряешь. Если подходит, если с твоими мыслями перекликается, значит – книга твоя. И будешь ты ее перечитывать и открывать что-то новое, заставляющее думать про свою жизнь. Может книга и не научит тебя, но заставит думать. Самому-то напрягать мозг лень бывает. А тут как смачный пинок под зад!

Бумагомарание

«Страсть к бумагомаранию является признаком развращенности века». – Монтень.

Он же: *«Следовало бы иметь установленные законами меры воздействия, которые обуздывали бы бездарных и никчемных писак».*

Это было написано в 16-м веке. Ничто сейчас не ново: луна, солнце, человеческая природа.

Я наконец-то дочитал три книги «Опытов» Монтеня, получая удовольствие почти на каждой странице. На некоторых главах я застрял. Монтень, например, пишет, что любил учиться у плохих наставников – их неумелость прямо кричит, что надо делать лучше, чем они.

А ведь в этом что-то есть! У меня было много плохих учителей. Они говорили умные слова, путались в аргументах, подчеркивали, что их опыт позволяет вещать истины, а мне надо принимать это на веру.

Результат? Я чувствовал себя тупым, никчемным тормозом. Чтобы хоть как-то продвинуться, приходилось читать и думать самому. И это было здорово. За письменным столом нет давления авторитетов. Только ты, книги и медленно шевелящиеся мысли.

Хороших учителей слушаешь, открыв рот, веришь им. Ты зашорен, твои мысли такие же, как у других. Тебя вогнали в колею, научили простейшим приемам, твой путь ясен, прям и стандартен. Тебе все понятно, разложено по полочкам, расписано от школы до пенсии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.